

ГЕНРИ МОР

ПСИХОЗОЯ, ИЛИ ПЕРВАЯ ЧАСТЬ ПЕСНИ ДУШИ, СОДЕРЖАЩАЯ
ХРИСТИАНО-ПЛАТОНИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ДУШИ

ДОВОД ПСИХОЗОИЧЕСКИЙ, ИЛИ ЖИЗНЬ ДУШИ

ПЕСНЬ 1*

14

Зона¹ формы не растут, не умирают
Идеей его царство назовут²,
В нем безмятежно, вечно жизнь играет,

* Продолжение публикации, начало см. в: EINAИ. Т. 10. № 2 (20), 2021. С. 146–161. Поэтический перевод с англ. языка Н. В. Носова; перевод и уточнение греч. и латинских цитат, примечания О. Ю. Бахваловой и А. В. Цыба. Перевод выполнен по изданиям: *More H. ΨΥΧΩΔΙΑ PLATONICA: or a Platonically Song of the Soul*. Cambridge: Printed by Roger Daniel, Printer to the University, 1642 // *Philosophicall Poems, by Henry More: Master of Arts, and Fellow of Christs Colledge in Cambridge, 1647; The Complete Poems of Dr. Henry More (1614–1687) for the first time collected and edited by the Rev. Alexander B. Grosart...* St. Georges, Blackburn, Lancashire: printed for private Circulation, 1878.

При финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00845.

Носов Николай Владимирович — выпускник философского факультета СПбГУ, независимый исследователь.

¹ В греческой мифологической традиции Αἰών — персонификация времени, в общей античной философской лексике αἰών — «век, время, эпоха, эра, вечность»; у Платона в «Пире» ἀεί ὄν (то, что всегда есть) — то место, «не знающее ни рождения, ни гибели, ни роста, ни оскудения», где душа умозрит «прекрасное само по себе, всегда в самом себе единообразное», т. е. саму идею прекрасного (*Plato. Symp.* 211a-b, пер. С. Апта), в поздней неоплатонической философии VI века н. э. — «берущее начало от единого», «неделимое на пространственно-временные части» (*Damascii Successoris... in Platonis Parmenidem I.* 67 15–20, l. 265 15–20, пер. Л. Ю. Луккомского). Мор опирается на чтение Плотина, о чем он дает пояснение к этой строфе (см. ниже). — *Прим. ред.* См. также: EINAИ. Т. 10. № 2 (20), 2021. С. 160.

² Отсылка к «первообразу», к «тому, что объемлет все умопостигаемые живые существа» в платоновском «Тимее» (*Plato. Tim.* 31a). — *Прим. ред.*

Начала, силы, виды жизни в нем живут,
Не возрастая, не считая век.
Ведь в царстве *Эона* все формы совершенны,
В нем Травы, Птицы, Звери, Человек, —
Все в совершенстве вечны и нетленны.
*Автокалон*³ и *Он (Он)*⁴ — с *Эоном* неизменно.

15

То старшие сыны правителя *Атова*⁵,
А *Уранор*⁶, сего же Старца дочь —
Хоть дева, но жена *Эона* преблагого.
Свет *Ураноры* освещает ночь.
Сияющая золотом небес,
В *Эфир* одетая и под *Эфира* сенью,
Она дает всем чувствам суть и блеск.
Эфиром движимы и слух, и вкус, и зренье —
Всех сил пластических порядок и уменьше.

16

О, дайте мне счастливую возможность
За делом чистой *Уранор* следить,
Но вот, увы! Мой взор теряет четкость —
На *Атувейском* берегу⁷ теряю нить,
Ведь *Автокал* за ней уже стоит.
И вновь *Атов* окутывает светом,
Незримый свет глаза мои слепит,
Нельзя представить даже яркость эту.
И мир, что под покровом, вновь неведом.

17

Пока стоят они в благом и ярком свете —
В блаженства четверном узоре том,

³ Прекрасное само по себе, наивысшее Прекрасное. — *Прим. ред.*

⁴ От греческого ὄν — Бытие, Сущее как таковое. — *Прим. ред.*

⁵ Пояснение имени см.: EINA1. Т. 10. № 2 (20), 2021. Прим. 23. С. 151.

⁶ «Небесная», от мифологического имени бога Уран (Небо). — *Прим. ред.*

⁷ Имеются в виду границы «владений» Атова. — *Прим. ред.*

Я наблюдаю, но давать советы
Осмелюсь я, пожалуй, лишь в одном:
Тот безрассуден, кто, как гордый Фаэтон,
Решит подняться, чтоб потрогать солнце,
И вниз падет, сожженный вмиг огнем.
Уму незрелому дозреть уж не придется —
Ведь конь, его несущий, спотыкнется.

18

Возвысься, *Муза*, и словами честно
Ты опиши, во что сей мир одет,
Раскрой для нас благое совершенство,
В котором ты витаешь столько лет.
Не можешь все сказать, скажи лишь то,
Что можно осознать, ведь человека разум
Порой понять не может мир простой,
Тот, что лежит у ног его. Как сразу
Поймет он то, что недоступно глазу?

19

Не описать мне форму этой славы —
Величия, что смертный взор людей
Не может охватить: ни левый край, ни правый,
Ни верх, ни низ, и нет таких путей,
Чтоб форму истинно и точно объяснить,
Пределы все свести к своим размерам;
И, чтоб не потерять мне смысла нить,
Домыслю истину похожим я примером,
По кругу двигаясь и соблюдая меру.

20

Так из чего там все, и все какого цвета?
Я так скажу — небесной сини шелк,
Коль сравнивать с земным святое это,
Пусть хоть какой-то людям будет толк.
Ведь глаз людской в том мире, как слепой,
Хотя поэт заверит вас речисто,

Что цвет у неба ярко-голубой.
Вот так *Филлиды* пеплос бело-чистый
В печали сделался лазорево-пятнистым⁸.

21

Да, неба синь не передаст оттенки
Тех горних мест, цвет неба — пыль и муть.
Но Уранор к вам, пастухи-поэты,
Все ж благосклонна, но лишь к тем, кто суть
Простую спрятать не стремится
Суждением суетным и делит жизнь простую
С таким же словом, вот кому дарит
Благая Уранор способность ту благую,
Чтоб схоже описать природу взнеземную.

22

Вот кто раскрыть и прозревать достоин
Цвета чудесные прекрасных сих одежд:
Все переливы, сдвиги в тонком крае —
Знак новых форм, вот — признаки надежд,
Что впереди нас больше чуда ждет;
Разнообразней, тоньше мир откроем:
В шелк золото и серебро сплетет,
И высший мир прекрасным сим покроем
Покажет нам, как сложно он устроен.

23

Небесных красок вид и переливы
Покров сей чудный даст нам созерцать

⁸ Филлида, покончившая самоубийством от ожидания возлюбленного Демофонта (*Псевдо-Аполлодор*. Мифологическая библиотека Э. VI 16–17), проросла в миндальных деревьях на месте своей гибели (*Вергилий*. Буколики, VIII 63), цветущих весной и сбрасывающих листву (*phyllos*) как одеяние зимой (*Филлида* // Мифологический словарь под ред. Е. М. Мелетинского...), в дальнейшем поэтический символ печали природы (*Вергилий*. Комар 131–133: «Ныне густая листва опускается белым покровом. / Рядом и ты, кому уготовил печальную участь / Демофонт...», пер. с лат. С. В. Шервинского). — *Прим. ред.*

И славу мира горнего счастливо
С величьем царским станет сопрягать.
То, что историк пишет, что поет нам бард, —
Ничто пред сим невиданным виденьем.
Как нищий скит и пышный царский сад —
Но здесь невыразимее сравненье
Того, что суть в себе и что дает нам зренье.

24

Пред вами здесь откроет веки Утро:
Дуга серебряная осветит Восток,
А после в золото превратится мудро,
И в пурпур обращается поток,
Скрывая на Закате день, тогда
Свет Солнца успокоится, остынет;
Лазурь невидимая, но не навсегда,
Покров небесный медленно покинет,
И тот свою другую форму примет.

25

Среди лучей сверкающего света,
Кружащихся в борьбе с туманом мглы, —
Где облаков, что в серебро одеты,
Сверкают и волнуются валы —
Здесь будут Ирис и Гало⁹ играть,
Ночь-Эувфрона¹⁰ куполом немалым,
Начнет тихонько землю накрывать —
Так дети пчелку, чтобы не кусала,
Под шляпой прячут, опасаясь жала.

⁹ Ирида, Ἴρις — в греческой мифологии богиня радуги, примирения и посланница Зевса. Галó — от др.-греч. ἄλωϋς: «круг, диск», световое атмосферное явление вторичного свечения вокруг источника света (напр., солнца), считалось теофанией ангелов. — *Прим. ред.*

¹⁰ Возникновение эвфемизма основано на примирительных и утешительных обрядах. «Пускай, как в поговорке, доброй вестницей // Заря родится, ночи благодатной (Euphrone) дочь». *Эсхил. Агамемнон, 277–278* (пер. С. Апта). — *Прим. ред.*

26

И видел я в небесном том покрове
Двух ангелов — на каждом два крыла,
Крыла из серебра, а кожа — нет: не с кровью,
Их кожа словно белый свет бела.
Их вид прекрасен, каждый счастлив будь
От взгляда ласкового. Из небесной ткани
Платок лазурный им скрывает грудь,
Как голуби, в чьей власти есть предзнание,
Для Монокардии несут они посланье.

27

О, Духи нежные, что строго надзирают,
Чтоб доброе свершалось, то — сыны
Солимы и *Салима*¹¹ правду знают,
Гуманности они всегда верны.
Добру — добром, злу — злом их суд воздаст,
Тем проявляя для простого взгляда
Покров небес, где видны без прикрас
Все вещи мира, — такова награда
Для тех, кто правду ценит выше клада.

28

Но чувствам смертным правда не открыта,
Не могут истину вещей узреть,
Что за материи сгущеньем плотно скрыта,
И смысл ясный им не усмотреть.
Но те сыны *Любви*, чтоб мог увидеть глаз,
Покров самих небес они сгущают,
И видимы становятся тотчас

¹¹ Солимы (Σόλιμοι) — мифологический горный народ, живший в Малой Азии (Ликийи) до ликийцев (*Геродот*, История. I, 175), побежденный героем Беллерофонтом (Илиада. VI, 184; *Псевдо-Аполл.* II, 3, 2); о Солимских высотах говорится в Одиссее (V, 283). По Тациту, «некоторые полагают, что иудеи имеют весьма славное происхождение и считают их потомками воспетых Гомером солимов, которые основали Иерусалиму, назвав ее по имени своего племени» (*Тацит*, История. V, 2). — *Прим. ред.*

И красота, что небо изливает,
И смысл, который правдой наделяет.

29

Так множество прекрасного раскрылось,
Скрытого в покрове *Уранор*,
Но многое еще не прояснилось —
И я не буду на слова так скор.
В том одеянье мир весь заключен,
Никто не в силах описать детально,
Как дух небесный в мир сей источен.
Мои перо и Книга — матерьяльны,
Но *Уранор* ведет пером реально.

30

Вот что я видел на подоле одеянья —
Прекрасные и яркие огни:
Одни — как Солнце в золотом сиянье,
Другие — как лучи Луны бледны;
Иные — словно Теллус¹², что в ночи
Теряет цвет своей цветной одежды.
Цвета играют чудной той парчи
В небесной дали, поражая вежды,
Но их не видит астроном-невежда.

31

А я смотрю — они танцуют в круге.
Но вот я вижу, некий есть один,
Чей свет сильнее всех в округе,
Кто отблеска *Луны* есть господин.
Дарует ей он свет свой, но она
Даст свет не теплый, а печально холодный.
Уродство ночи видеть даст *Луна*.

¹² Tellus — древнее латинское божество, одна из персонификаций Матери-Земли, со-
вмещала функции богини смерти. — *Прим. ред.*

Вот мертв уже сей путник запоздалый,
А вор бежит с добычей в крови алой.

32

Умом полна — такая жизнь счастлива,
Что знает мира вышнего престол,
Все чудеса. И самый горделивый
Король земной все ж ниже, чем подол;
Сей *Уранор*, пусть он влачится вниз,
На Землю грязную немытою одеждой,
Теперь он здесь, но там, откуда — из
Сиянья сладкого, целует он в надежде
Тень *Солнца*, что на нем сияла прежде.

33

Какое счастье *Солнце* зреть воочию
Сладчайших царств и непрерывный день,
Что никогда не обернется ночью,
Трон *Ураноры* там не скроет тень.
Царица *Уранор*, сей Скипетр твой теперь!
Правь мудростью, что дал *Атувус*¹³ старый —
Кого *Ахадом*¹⁴ звали — но отсель
Он брачной связью окольцован парой,
Златым кольцом соединен не даром.

34

Мой первородный *Сын*, а после *Дочь* драгая,
Из бездны вверх взгляните на *Отца* —
Дана вам мною жизнь совсем другая,
Но будем вместе все равно мы до конца.
Я суть *Ахад*, и потому Един
(Слова все те же), но зову *Атова*,
Чтобы блаженство вызвать из глубин —

¹³ См. EINA1. Т. 10. № 2 (20), 2021. С. 151 (прим. 23).

¹⁴ Там же. С. 148 (прим. 1), а также примечание Г. Мора к строфе 15.

Во благе все соединится снова:
Добро, Любовь, Единство — мощь Благого.

35

В согласии из самой желто-прочной
Материи на *Уранор* надел кольцо:
Гимен! Гимен! О, Дева непорочна!
Запел им «Славься» стройный хор юнцов!
«Невесте Бога будем мы служить!»
И следом сей *Атов* изрек такое:
Сын, смог я ум в тебя вложить,
Дать истины суждение любое —
Ты был Один, теперь вас стало Двое.

36

Перед тобой склонятся все на Небе,
И на Земле, и там — внизу, где дрожь
Подземья эфиопского, в Эребе¹⁵ —
Ты демонов всех в ужас приведешь.
Тритоны Тарсиса¹⁶ и Океана бог,
Шакал, гиена и лесов Сатиры... —
Ко всем по их заслугам добр и строг —
Разрушишь ты все лживые кумиры,
И жезл правды воцаришь над миром.

37

От моря к морю ты свой жезл протянешь,
Все земли своей власти подчинишь,

¹⁵ В греческой мифологии область абсолютного мрака. — *Прим. ред.*

¹⁶ Тритоны — благоприятные морские божества греческой мифологии, Тарсис (Таршиш) — финикийское наименование древнеиспанской страны Тартесс (ок. современной Севильи), откуда финикийцы вывозили цветные металлы. Т. е. мы имеем дело с т. н. «концептуальным смешением» поэтических метафор Г. Мором, поскольку обитание тритонов, а точнее бога Тритона, связывали географически с областью вокруг озера Тритониды в Ливии (См., напр.: *Геродот*. История. IV 179). — *Прим. ред.*

Царей земли короновать ты станешь —
Мир, истину народам подарив.
И запрещу я Марсу пушки лить,
Ты ж мирные орудия направишь —
Дабы началу лучшему служить
В том мире, где ты, Сын мой, правишь;
Тот будет славен, кого ты прославишь.

38

Атов-Отец закончил, вдохновенный,
Им руки в радостной молитве соединив.
Теперь же к новой жизни устремленный
Союз счастливый первый ждал разрыв.
Но счастье не разрушится, оно
Лишь увеличится надвое и натрое —
Сказал *Ахад*: «Нести мне в мир добро.
Я сим двоим отдельный мир устроил,
Судьбу для каждого отдельно приготовил».

39

Итак, *Ахад*, *Эон* и *Уранора*,
Но в том *Ахаде* трое суть одно:
Нет между ними никакого спора
И то, что смертным кажется розно —
Поистине едино. *Уранор*,
Которую *Псюхэ*¹⁷ зовут иначе, —
Людей и ангелов возвышенный восторг —
Ее подол высок, но благодать — паче.
Она, благая, от людей его не прячет.

40

О, Муза, сей хитон, что пал на Землю,
Точнее помоги мне описать,

¹⁷ В греческой мифологии и философии наименование космической или индивидуальной души. — *Прим. ред.*

Когда тройным я этим смыслом внемлю,
 Дай три картины мне в одну связать.
 Пусть свет уходит из мертвящей тьмы,
 Где в темном Хаосе остались тени виться —
 Невидимые, здесь они немые,
 Похожие на то, что ночью снится,
 Но светом разума дано им проявиться.

41

Так, первый слой зовется словом *Фюсис*¹⁸,
 Сотканный из всех природных форм.
 На нем земные звери, птицы, гуси,
 Деревья, рыбы, насекомых сонм.
 Как гобелен, где выткан дол и лес:
 Дуб, Ель, Осина, Граб и Ясень,
 Олень, Медведь, Орел небес,
 Кабан и Заяц, образ даже ясен
 Уродливых жуков, вид Бабочки ж прекрасен.

42

Здесь — Гидра, там — Дракон, тут — Жаба и Лягушка,
 Вот — Обезьяна грязная, а рядом — чистый Слон,
 Лев грозный, Человек и Собачушка —
 Неизмеримо *Фюсис*¹⁹ форм число.
 Не хватит времени, чтоб до конца их счесть,

¹⁸ В греческой философии «фюсис» (φύσις) после Аристотеля в самом общем смысле имеет значение «природа вещи», способ ее происхождения, или то, «что всегда сохраняется» в вещи, в более поздние времена соответствует латинскому слову «*natura*», т. е. развивается в направлении смысла понятия «природы» в его современном научном значении. Подробное разъяснение истории этого философски многозначного термина см.: *Месяц С. В.* Природа // *Античная философия. Энциклопедический словарь.* М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 618–624; *Ахутин А. В.* Понятие «природа» в античности и Новое время. М.: Наука, 1988. Свое поэтическое применение метафоры «фюсис» Г. Мор разъясняет в своем примечании к строфе 41. — *Прим. ред.*

¹⁹ «Гюлэ» — букв. «лес», или строительный материал, термин Аристотеля, который он применил по отношению к обозначению вещества или материи как таковой. — *Прим. ред.* Также см. примечание Г. Мора к строфе 41.

Все разные, и все в отличьях многих —
Любые виды у природы есть,
Лишь ум пронзает этот слой убогий,
Картины приводя в порядок строгий.

43

Рассеявши земные виды по хитону
Психеи-госпожи, из Центра Умный свет,
Как легкий ветер, что овевает склоны,
Те формы ясно выделяет: тень и цвет —
Однако в идеальный не сливая шар,
Иначе бы все формы, что *Природа*
Задумала как миру добрый дар,
Слились в единстве, без ствола и плода —
Лишились вида, образа и рода.

44

Искусство чистое *Идеи* отпечаток
С Симметрией правдиво может слить.
Границ не нарушая и порядка,
Одно оно соединенье может длить.
Но ведьма злая (имя суть *Гюлэ*²⁰)
Границу хочет все-таки нарушить,
Природу-Фюсис утопить во зле,
Связь и Симметрию небесную разрушить —
Грязь и отраву вывести наружу.

45

Завистливая ведьма, скрыв в утробе
Своей зловонной чистых видов сок,
Их чистоту таит, как в черном гробе,
Суля *Природе* злой страданья рок.
Но тонкой пленкой все же вознестись
Должна эссенция добра и света,
Хоть сети грубые внизу нее сплелись,

²⁰ См.: EINA1. T. 10. № 2 (20), 2021. С. 155 (прим. 41).

Звук музык заглушают речью бреда,
Смердя, грозя, ведут всё к адским бедам.

46

Но ткань та тонкая, однако, излучает
Особый сорт, заметный не чуть-чуть —
Как плачь иль стон, который вызывает
Сочувствие, что так волнует грудь.
Пылая страстью иль впадая в грусть,
Псюхэ толкает силою магнитной
Под действием природных этих чувств.
Так духи разные текут как будто слитно,
Хотя соединения не видно.

47

Младенец из утробы нелегко выходит.
Скалу волна тяжелым валом бьет —
И вот она во глубь морей уходит,
А море суше лишь один песок вернет.
Луна и Солнце то сойдутся враз,
То вдаль расходятся диаметрально,
А Прошлое вдруг перейдет в Сейчас —
Так изменяет ветер Ума Центральный
Хитона складки у *Псюхэ* детально.

48

Все это — *Фюсис*, слой *Арахны*²¹ — следом,
*Семела*²² ж — тонкий самый слой, —
Она *Псюхэ* покрыла тонким пледом,
Но расскажу дела *Арахны* той:
Она, как паучиха, что в углу
У трона царского плетет, не устывая

²¹ Арахнея, Αράχνη (по греч. буквально «паук») — в греческой мифологии искусная ткачиха, вступившая в соревнование с Афиной, за что богиня превратила ее в паука (*Овидий*. *Метаморфозы* VI, 1–145). — *Прим. ред.*

²² В греческой мифологии мать Диониса-Вакха, фиванско-кадмейская царица. — *Прим. ред.*

И не боясь, что всяк возьмет метлу,
Сеть невесомую, в ней ложный свет играет
И, значит, Истин форм она не достигает.

49

В паучьей той сети — *Хафе*-Соединенье²³,
Она как Центр, откуда ложный свет
От образов летит в столпотворенье —
Как зеркало, что не дает ответ,
Но лишь покажет на стенах вокруг
Любые света блики, точки, пятна.
Но вот из них — Вкус, Обонянье, Слух
И Зрение оформятся внезапно,
Хафе — мать чувств, их связь туда-обратно.

50

Псюхе в том зеркале провидеть может ясно
Все то, что было и что будет на Земле.
Пустыня там, где край сиял прекрасный,
От голода рычит ливийский лев,
И к Богу обращен его печальный рев,
Когда страдает без воды и пищи.
Псюхэ все видит — невидимкой вновь
Весь мир объемлет, возносясь все выше,
Туда, где вопли мира слышны тише.

51

Вот — путник, долгий путь пройдя в пустыне,
Устав, присел на камень отдохнуть.
Болят нога, душа от страха стынет,
И он не смеет выше чуть взглянуть.
Но там, внутри, коль страх его извлечь —

²³ Также — осязание. В Древней Греции Афе — мелкий песок, которым атлеты покрывают тело для лучшего контакта при захвате. Можно видеть связь с образом камней, разрушаемых морем до мелкого песка выше в Строфе 47. В Библии (Еф. 4:16) слово использовалось в смысле «связка», «соединение», «...все тело, составами и связями будучи соединяемо и скрепляемо, растет возрастом Божиим». Кол. 2:19. — *Прим. ред.*

Счастливым человек в его груди таится,
 Коль груз забот свалить с усталых плеч —
 Он ничего на свете не боится,
 Когда к добру его душа стремится.

52

За грош ты воробьев десяток купишь,
 Хоть трудно их в полете изловить.
 Все их прыжки в том зеркале увидишь.
 Но трижды счастлив тот, кто смог остановить
 Чреду мельканий, и чей Бог как друг
 Стоит надежно, как скала до срока.
 Вот — сотрясется крепкий камень вдруг,
 И южный ветер яростным потоком
 Помчит с неодолимой мощью рока.

53

Но Бог благой того, кто был Помазан
 Ему в служенье, сможет защитить
 В руках своих он успокоит разум,
 Врагов его заставит он вопить.
 Надменным духам даст такой зарок:
 Моих царей, священство и пророков
 Не смей касаться или знай, в свой срок
 Учить заставлю грозные уроки;
 От сил святых держи подальше руки.

54

Я вижу все. Не сплю я, не мечтаю,
 Я слышу все, когда все люди спят.
 Ведь Зеркало мое все отражает.
 Пока все смертные недвижимо лежат,
 Я слышу то, чего бежал Адам,
 Вой волка, шепот сов, другие страхи леса;
 Дудит в дуду, волков пугая, Пан,
 Ему в ответ кричат сатиры-бесы,
 Сплетая звуки в шум проклятой мессы.

55

Ночь для меня — не ночь. Ужели Совы
И Кот проворный лучше знают путь,
К своей норе, гнезду, и тьмы покровы
Земли и воздуха для них пустая муть?
Все чувства — лишь пропорция одна,
Арахна ткущая их ровно вышивает
В изгибах ткани неба-полотна.
Так тьма *Хафе* разумно раскрывает
То, что при свете дня не вызревает.

56

Сочувствие и чувство, отвращенье
Различно сплетены в душе любой,
Но антипатии нет места в положенье,
Где гармоничен и согласен строй
Души с вещами мира, где отныне
Не чувствует себя *Хафе* чужой,
Так будет чувств Диапазон расширен
В гармонии всего в нестрашном мире.

57

Но прочь, *Хафе* с *Арахною*, идите —
Я покажу *Семелы* вам хитон:
Он величавей, в нем красивей нити,
Их переливами еще богаче он.
Свободно развевается та ткань,
Что под ветрами райскими полощет.
И как свет Солнца освещает рань
Все формы и цвета, так скажем проще:
Ахад же дарит ей любовь и мощи.

58

Семела всюду сущая рождает сына-*Вакха*
От Зевса или Бытия. И Он — Вино,
Которое растит печаль и чувство страха.

Сердцам унылым он в утеху, но
Поэтам *Вахх* умы воспламенит,
Огонь божественный зажжет в сердцах горящих.
Фантазия им душу укрепит,
Семелы-матери все качества обрящет —
Лучей ее, что нет в сем мире краше.

59

Так дочери *Семелы*, разделившись,
Все от одной; и все, провидя все,
Фантазией порозно возносившись,
Все ж составляют в сути лишь одно.
Семела тем, что видится благим,
Играть позволит смело и свободно
И душу уносить лучом своим
Поэтов чувственных, но не куда угодно,
Но так, как щепку мчит по глади водной.

60

Поэты и пророки здесь черпают
Свое виденье, что огнем их жжет.
Огонь сей их до неба возвышает,
Но низких духом он всегда гнетет.
Их слабые суставы скверной злой
Полны, огонь ползет по членам
И выжигает зло, что станет лишь золой.
Ослабнет тело, бывшее изменой, —
Дух передавшее тому, что стало тленом.

61

Но не спеши, Платона пастырь смелый,
Враз тайны мудрого учения раскрыть.
Нам предстоит продолжить наше дело,
Пока же лучше нам восстановить
Рассудка силы, дать душе покой.
Псюхэ великой Род и Продолженье

Мы описали в меру сил с тобой,
Но, чтоб наутро продолжать ученье,
Дремоте должно сделать приношенье.

Конец первой песни

ПРИМЕЧАНИЯ ГЕНРИ МОРА

Строфа 14. «Идеей его царство назовут, / В нем безмятежно, вечно жизнь играет».

У Плотина: «ἡ τοῦ νοῦ καὶ τοῦ ὄντος φύσις κόσμος ἐστὶν ὁ ἀληθινὸς καὶ πρῶτος, οὐ διαστάς ἀφ' ἑαυτοῦ οὐδὲ ἀσθενὴς τῷ μερισμῷ οὐδὲ ἐλλιπὴς οὐδὲ τοῖς μέρεσι γενόμενος ἅτε ἐκάστου μὴ ἀποσπασθέντος τοῦ ὅλου· ἀλλ' ἡ πᾶσα ζωὴ αὐτοῦ καὶ πᾶς νοῦς ἐν ἐνὶ ζῶσῃ καὶ νοοῦσα ὁμοῦ καὶ τὸ μέρος παρέχεται ὅλον καὶ πᾶν αὐτῷ φίλον οὐ χωρισθὲν ἄλλο ἀπ' ἄλλου οὐδὲ ἕτερον γεγεννημένον μόνον καὶ τῶν ἄλλων ἀπεξενωμένον· ὅθεν οὐδὲ ἀδικεῖ ἄλλο ἄλλο οὐδ' ἂν ἦ ἐναντίον. Πανταχοῦ δὲ ὄν ἐν καὶ τέλειον ὅπουοῦν ἔσθηκέ τε καὶ ἀλλοίωσιν οὐκ ἔχει», т. е.: «Природа Ума и Сущего есть истинный и первый космос, не оставленный от себя, не ослабевший из-за разделения на части, не имеющий недостатков даже в своих частях, поскольку каждая не отрывается от целого, но всецелая Жизнь и всецелый Ум живут и мыслят вместе в Едином. Ум содержит в себе часть как целое, и все связывается дружбой с собой, и не отделено иное от иного, и не становится только иным, отчужденным от других: таким образом, одно не причиняет другому вреда, даже если они противоположны. И поскольку Ум везде един и во всем совершенен, постольку он устойчив, ибо не знает изменения...»²⁴.

Т. е. природа Интеллекта и Единого — это истинный и первый мир, не удаленный от самого себя, не ослабленный разделением или рассеянием, [в котором нет] ничего неполноценного. И все это — жизнь, и весь интеллект живет в одном и том же понимании. Часть проявляет целое, и целое содружно в себе, не отделяет одну часть [себя] от другой и не становится другим или отчужденным от другого. Потому одна часть не вредит другой и не противоречит ей. А, следовательно, будучи везде единым и везде совершенным, оно остается неизменным и не допускает никаких изменений. См.: *Третья Эннеада. Трактат 2. Гл. 1.*

Строфа 15. «А Уранор, сего же старца дочь — / Хоть Дева, но Жена Эона...».

Уранор, или Псюхэ — жена Эона, дочь Ахада. Ибо, воистину, все исходит от него, но καθ' ὑποστολήν — по убывающей; Первый τὸ ἓν — единое, или Ахад,

²⁴ Plot. Enn. III. 2. 1. 27–36. Пер. Т. Г. Сидаша. — Прим. ред.

это — простое единство: затем *ἐν πάντα* — *единое целое*, фактически недвижимое Многообразие: наконец, *ἐν καὶ πάντα* — *единое и [единое] целое*, это — Уранор, или Псюхэ, а именно: способное к устойчивой Всеподобности, к Полноте жизни всего сущего и того, что превыше всего сущего: но не в ее Сущности быть всем сущим актуально и прочно. См. Плотина *περὶ τῶν ἀρχικῶν ὑποστάσεων* — *Об изначальных ипостасях*²⁵. Но ничто не может быть более ясным, чем то, что он написал в *Пятой Эннеаде. Трактат 5. Гл. 4.*, где говорится об Ахаде, Эоне и Псюхе: «*Καὶ οὖν ἀπεικαστέον τὸ μὲν φωτὶ, τὸ δὲ ἐφεξῆς ἡλίῳ, τὸ δὲ τρίτον τῷ σελήνης ἄστρω κομιζομένῳ τὸ φῶς παρ' ἡλίου. Ψυχὴ μὲν γὰρ ἐπακτόν νοῦν ἔχει ἐπιχρωνύνοντα αὐτὴν νοεράν οὖσαν, νοῦς δ' ἐν αὐτῷ οἰκεῖον ἔχει οὐ φῶς ὡν μόνον, ἀλλ' ὃ ἐστὶ πεφωτισμένον ἐν τῇ αὐτοῦ οὐσίᾳ, τὸ δὲ παρέχον τοῦτ' ὡς οὐκ ἄλλο ὄν φῶς ἐστὶν ἀπλοῦν παρέχον τὴν δύναμιν ἐκείνῳ τοῦ εἶναι ὃ ἐστὶ*», т. е. «*Следует сравнить Первое со светом, следующее — с Солнцем, третье — со звездным телом Луны, получающей свет от Солнца. Душа имеет мышление извне, которое [так сказать] окрашивает Ее, когда Она умна, Ум же имеет мышление в себе как свое собственное, Он не есть только свет, но и то, что просвещено в своей сущности; а то, что дает Ему свет, есть не что иное, как простой свет, дающий Уму силу быть тем, что Он есть*»²⁶.

Т. е. «мы можем сказать о первом, т. е. Ахаде, *lux*, или свете, затем о Солнце, и о третьем, а именно: Псюхэ или Луне, которая заимствует свой свет от Солнца. Ибо Псюхэ обладает лишь привходящим Интеллектом, который как бы окрашивает ее, делает Интеллектуальной. Но Интеллект, или Эон имеет в себе самом надлежащую Интеллектуальную жизнь, будучи не только этим светом, но и тем, что в его сущности освещено Ахадом: а то, что передает этот свет, а именно, Ахад — это один только свет и ничего больше, являющий ему [Эону] силу быть тем, кто он есть.

Стихи 4, 5. *Свет Ураноры освещает ночь. / Горит огнем, как золото небес...».*

Интеллект в человеке облечен душой, душа — огнем или духом; и с помощью этого инструмента он управляет и направляет это грубое тело, таково мнение *Трисмегиста* в его «Ключе»; и подобный инструмент он приписывает Создателю всего Мира: «*Δημιουργὸς τῶν πάντων οὐρανῶν τῷ πυρὶ πρὸς τὴν δημιουργίαν χρῆται*», т. е. «*Демидург всех небес использует огонь для творения*»²⁷. Творец

²⁵ Plot. Enn. V. 1. 8. Пер. Т. Г. Сидаша. — Прим. ред.

²⁶ Plot. Enn. V. 6. 4.

²⁷ В самом Герметическом корпусе *δημιουργὸς* совмещен с умом (*νοῦς*): «Когда ум покидает земное тело, он сразу обретает свое огненное платье, которое он не мог

Небес использовал огонь для своей работы. Но я действительно полагаю, что чистые Небеса или Эфир, название которых идет от *αἴθρῳ* — «гореть»²⁸, есть не что иное, как ослабляющий огонь, тонкая огненная жидкость или жидкий огонь, как я уже говорил в другом месте.

Стихи 6, 7. «В Эфир одетая и под Эфира сенью / Она дает всем чувствам суть и блеск...».

Я не могу лучше изложить этот вопрос, чем это уже сделал Философ, *Пятая Эннеада. Трактат 1. Гл. 2.*

Пусть какая-нибудь отдельная душа, сказал он, спокойно сама по себе постигнет всю Вселенную, лишённую жизни, формы и движения; пусть Земля будет тихой и безмолвной, а также море, Воздух и Небеса: внезапно вселенская душа вливается в эту оцепенелую массу, наполняя изнутри, проникая повсюду и освещая все, как лучи Солнца освещают любое Облако создавая яркое зрелище своим златым светом²⁹. Таково восшествие *Псюэ* в тело Вселенной, разжигающее и возбуждающее мертвую мглу, конечная проекция ее собственной жизни в Эфирную жизнь и содеяние в ней плазменными Духами или Археями (Началами)³⁰, чтобы весь мир пришел в порядок и форму, приспособлявая это священное Живое существо для совершенного смысла, устанавливая в бытии то, что раньше было почти ничем.

сохранять, когда обитал в теле из земли, ибо земля не переносит огонь, чьей одной лишь искры хватило бы, чтобы сжечь ее. Вот почему вода окружает землю и служит ей преградой, которая предохраняет ее от пламени огня. Но ум, самая тонкая из божественных мыслей (внетелесных вещей), использует как тело самую тонкую из стихий — огонь. Он берет его как орудие для своих творческих деяний. Вселенский ум использует все стихии, человеческий же — только стихию земную. Лишенный огня, он не может создавать божественные творения, человеческий ум предназначен для человеческих условий» (Corp. Hermeticum. X. 18). — *Прим. ред.*

²⁸ Также: зажигать, воспламенять, гореть. — *Прим. ред.*

²⁹ *χρυσοειδῆ ὄψιν ποῦσαι* — «делают облик златовидным» (Plot. Enn. V. 1. 2: как лучи Солнца, просвещая темное облако, делают его златовидным, так и душа, входя в тело неба, сделала его живым и бессмертным, повела [за собой] легкоподвижное). — *Прим. ред.*

³⁰ Калька с греческого «ἀρχαί», значение чего Аристотель установил как «первые начала», или «первые причины» всего [бытия], которые присутствуют в вещах в четырех значениях: «сущность, или суть бытия вещи», «материя, или субстрат», «то, откуда начало движения» и «то, ради чего», или цель (Arist. Met. 1.983a 25–30), которое впоследствии будет включено им в свой концепт Мирового Духа. — *Прим. ред.*

Стих 8. «Эфиром движимы и слух, и вкус, и зрение...».

Это верно как в Микрокосме, так и в Макрокосме, описанном выше, а именно: что более тонкие, огненные и ослабленные духи в теле человека являются средством, посредством которого душа соединяется с телом и действует в нем.

Строфа 16. «И мир, что скрыт в глубинах, вновь неведом...».

Синезий в Гимне II также называет это *βιθὸν πατρῶον* — «отеческая глубина».

Строфа 18. «Возвысься, Муза, и словами честно...» и далее.

От этой строфы до строфы 33 содержится описание видимого Мира.

Стих 2. «Ты опиши, во что сей мир одет».

Сделать весь этот видимый Мир одеянием *Псюэ* — это не вынужденная или новая фантазия: Сивилла облачила в него Бога (*Сивил. Орак. Кн. I*)³¹.

*Εἰμι δ' ἔγωγε ὁ ὦν (σὺ δ' ἐνὶ φρεσὶ σῆσι νόησον)
Οὐρανὸν ἐνδέδουμαι, περιβέβλημαι δὲ θάλασσαν,
Γαῖα δέ μοι στήριγμα ποδῶν, περὶ σῶμα κέχυται
Ἄηρ ἢ δ' ἄστρων με χορὸς περιδέδρομε πάντη.*

То есть:

*«Се я, Иегова, и словам моим внимай,
Одетый в воды Моря и Небес покрытый ветром,
Обутый в Землю, по которой я иду.
Вокруг меня танцуют Звезды, а Эфир меня скрывает...»³².*

Моисей также (если мы будем верить *Филону-Иудею*³³) сделал одежду *Аарона* символом видимого мира, и это хорошо согласуется с речами Сивилл.

³¹ *Oracula Sibyllina*, I, 137 sqq. — *Прим. ред.*

³² Английский перевод Мора, воспроизводимый здесь максимально близко, сам по себе не точен в использовании имени Иегова, подстрочный перевод этого стиха такой:

*«Я есть тот, кто есть сущий, ты же в своем уме постигни:
Я одеваюсь небом, окутался морем,
Земля — опора ног моих, вокруг тела разлился
Воздух, и хоровод звезд обежал вокруг меня везде».*

Есть также перевод М. и В. Витковских:

*«Я же есть Сущий, и ты в своем сердце обдумай такое:
Небо навлек на себя, вокруг себя море раскинул,
Мне опора для ног — земля, вкруг тела разлился
Воздух, и звезд хоровод Меня кругом обегает».* — *Прим. ред.*

³³ *Филон Александрийский*. — *Прим. ред.*

Ибо сверху, на его Митре, был *тетраγράμματον*³⁴ Иеговы. Наплечники, возможно, представляли Небеса. Два Драгоценных камня в форме двух Полушарий, на которых выгравированы двенадцать имен, двенадцать знаков Зодиака. Развешивающаяся Мантия [символизирует] Воздух; *τὰ ἀνθινά* — цветной или цветочный узор на подоле из одежды — это земля; *οἱ ῥοῖσκοι* — Гранаты (с намеком на *ῥέω*, лат. fluo — течь) — вода; *οἱ κώδωνες* — колокольчики, или гармония, т. е. смесь земли и воды для жизнерождения. Но что касается *ἀνθινά*, то в еврейском тексте ему нет соответствия, и [неясно,] почему *ῥοῖσκοι* должны быть Символами воды, а не всего Земного шара и Воды, поскольку это — круглый плод и представляет семенную полноту Земли, благодаря расщелине в боку, полной ядер или семян? Возможно, если бы *Филон* так же хорошо знал учение Пифагорейства, как Платонизм, и прочитал бы *ἀνθινά* и *ῥοῖσκοι* Септуагинты, он бы показал другую гармонию: ту, которая происходит из смешения Воды и Земли, я имею в виду звук колокольчиков, упомянутых в Строфе 30. И, таким образом, порядок соединения каждого колокольчика с Гранатом означал бы обилие и разнообразие Земных сфер в отдельных глубинах Мира, с их сопутствующими звуками в их движении или, по крайней мере, пропорциональными скоростями, и, следовательно, гармония *Пифагора* была бы подтверждена одеянием *Аарона*, но я не придерживаюсь этого Аргумента аподиктично (*Phil. de vita Mosis*).

Стих 7. «*Не может связи осознать простой*».

Каждое конкретное тело считается всего лишь узлом или тесной складкой этого единого целого Внешнего одеяния *Псюэ*.

Строфа 9. «*По кругу двигаясь*» и т. д.

Слишком вероятно, что мир круглый, если он не бесконечен, причины очевидны; но заключить, что он конечный или бесконечный, — это всего лишь догадка, поскольку человеческое воображение неспособно представить Бесконечность Разуму, чтобы судить о ней.

Строфы 30, 31. «*Вот, что я видел на подоле одеянья*» и т. д.».

Есть мнение *Коперника*, согласно которому неподвижные звезды — это большое число Солнц, а все Планеты обитаемы; тогда их обитатели, — будь то *Сатурн*, *Марс*, *Юпитер* или какая-либо другая открытая Планета или пока еще не обнаруженная, — будут считать [звезды] нижней частью этого видимого мира; а потому, согласно этому тщеславному взгляду, сказано:

«На подоле этого большого одеяния».

³⁴ В иудейской религиозной и каббалистической традициях — четырехбуквенное непроизносимое имя Бога. — *Прим. ред.*

Т. е. в местах, которые кажутся окраинными — и это все обитаемые Планеты, — если предположить, что таковые вообще есть.

Строфы 33, 34. «Он брачной связью окольцован парой и т. д.».

Эон и *Псюхэ* здесь становятся единым целым, но не так, как если бы они были одной и той же сущностью, но таким же образом, как тело и душа становятся одним человеком. Ибо *Эон* — это Энтелехия³⁵ *Псюхэ*, как я мог бы сказать, [и у них] более тесная связь, чем связь любой формы или души с чем бы то ни было, поэтому они никогда не будут разделены. Вселенская душа мира находит все вещи в *Эоне*, а также точно знает низшие вещи. Ибо ее приверженность не привязана или определена к чему-то одному, как душа [отдельного] человека, но свободна, она одновременно везде: вверху и внизу, так что она не может покинуть это свое состояние, она едина и всегда прочно соединена с *Эоном*.

Строфа 36. «Перед тобой склонятся все на Небе и т. д.».

Христианская тайна, окутанная Платоническим покровом, — это приведение мира в соответствие с Вечным Разумом и душой мира. Ибо они все еще движутся по сей день, чтобы завоевать людей, желающих, чтобы ими управляли [свыше], а не [жить соответственно] собственной извращенной и темной воле. Или, скорее, выражаясь Христианским Языком, Сын Божий и Святой Дух таким образом возбуждают людей и призывают их к истинному и живому повиновению вечной воле Божьей, оставить самих себя и свой слепой путь и идти всем вместе одним вечным путем Божьим, путем света и сохранения жизни.

Строфа 39. «Но в том Ахаде трое суть одно... и т. д.».

Здесь мы видим, что *Ахад*, *Эон* и *Псюхэ* — одно, что следует понимать не как Сущность, а как Личность (если можно так выразиться), и что они движутся и действуют на творение как один человек.

Строфа 41. «...зывается словом *Фюсис*».

Фюсис — это не что иное, как растительный мир, Универсальное понимание Семенной жизни, рассеянной повсюду. Этот семенной Мир не является ни самим Интеллектом, хотя он хранится во всех формах, ни какой-либо чистой душой, хотя и зависит от того и другого, *οἶον ἔκλαμψις ἐξ ἀμφοῖν, νοῦ καὶ ψυχῆς* ([*Логос*] словно свет, [исходящий] из обоих, ума и души)³⁶ — своего рода жизнь, возникающая и завершающаяся как в Интеллекте, так и в *Псюхэ*.

³⁵ ἐντελέχεια — «первое [начало], находящееся в состоянии осуществленности» (*Arist. Met.* 1071a, 35), «сущее в действительности» (*Arist. Met.* 1065b, 15), полное раскрытие внутри заложенной цели, а также «осуществление» как движение и реализация плана (*Arist. Met.* 1065b, 25 — 1066a, 1–5, *перев. А. В. Кубицкого*). — *Прим. ред.*

³⁶ *Plot. Enn.* III. 2. 16. — *Прим. ред.*

Они входят в материальный мир и вносят [в него] жизнь и красоту, упорядочивают низшую проекцию жизни, а именно — истинная Вершина Конуса бесконечно умножается, пробуждая этот огромный сонм Атомов к различным энергиям: к огненной, водяной и земной, и, размещая свои Магические точки притяжения, вбирает в каждый центр должную пропорцию и правильно расположенное количество сих разногранных частиц, превращая их в Солнца, Луны, Земли и т. д. и затем, с более удивительным мастерством, конкретные Археи создают в каждом из них таких обитателей и украшения, какие божественное Разумение сочло подходящими. Ибо *Фюсис* (как я уже сказал) — это не божественное Разумение самого себя, а то, как если бы вы могли себе представить, воображение Ремесленника, отделенное от Ремесленника и оставленное вонне, чтобы работать самостоятельно, без одушевления. Следовательно, *Фюсис* или Природа иногда сбивается с толку и ошибается, будучи связана с недоброжелательной материей, потому что ее сила не абсолютна и не всемогуща. См. *Плотин. Третья Эннеада. Трактат 2.*

Строфа 49. *«В паучьей той сети — Хафе-Соединенье...».*

Каждый раз, когда случается некое прикосновение, древние философы полагали так, как вы можете видеть у *Теофраста* [в трактате] *«Об ощущениях»*. Каждое чувство в *Псюэ* — это ясное и совершенное Прикосновение или даже нечто большее, чем Прикосновение, я имею в виду — более тесное соединение. Так что эта строка наиболее должным образом отражает природу чувств у конкретных Живых существ (поэтому я отложил перо), где Осязание является как бы центром, откуда душа различает по окружности всевозможные Формы и Движения, *«Она как Центр, откуда ложный свет
От образов летит в столпотворенье».*

Таким образом, поскольку сначала происходит как бы тактильное касание репрезентативных лучей от каждой вещи с нашим сенсориумом, прежде чем мы узнаем сами вещи, лучи от которых мы действительно чувствуем, мы воспринимаем эти вещи на расстоянии посредством [некоего] сообщения. Эти лучи всегда передают расстояние или место, а также цвет. Так мы различаем фигуру, а именно: [совокупность] лучей каждого атома объекта, представляющую местоположение каждого атома. Ибо фигура есть не что иное, как порядок или расположение этих атомов: таким образом, мы имеем фигуры, цвета и формы в целом Горизонте, сходящемся к нашему зрению, как к центру движения этих лучей Соприкасания от окружающих нас предметов.

«Хафе — мать чувств, их связь туда-обратно».

Это ясно из сообщения лучей, ибо я не могу думать, что простое соединение с этим чувственным миром само по себе может заставить нас познавать вещи на

расстоянии, хотя Плотин, похоже, склоняется к этому мнению. См. *Психатанасия*. Кн. 3. Песнь 1.

Строфа 55. «Все чувства — лишь пропорция одна».

Некоторые вещи настолько легки, что для других их вес незаметен, как в *Арабской* басне, где Муха, которая села на рог Быка, извинилась за то, что утонула его, так же и некоторые запахи слишком слабы, чтобы их можно было почувствовать, а некоторые предметы слишком неясны, чтобы их можно было увидеть человеческим глазом. Так *Арахна* пропорциональна всему, что хоть как-то чувствительно к чему-либо, ибо *Псюхэ* управляет этим Всем или Вселенной так, как конкретная Душа управляет партикулярным телом.

Стих 9. «В живом сплетении пропорции играют, / И так Хафе все чувства раскрывает ...».

Так и должно быть. Ибо ни одна живая душа не будет ощущать необходимости в этом внешнем Мире, кроме как будучи соединенной с ним живым образом. Поэтому *Псюхэ*, будучи соединена со всем этим, должна обязательно воспринимать все формы и движения, которые представлены какой-либо конкретной душе. Ибо эти представления должны возникнуть в каком-то конкретном теле, которое является лишь частью целого, как бы узлом *Психических* внешних проявлений, но универсальное тело Мира — это единый неделимый мир, поэтому ни Сова, ни Летучая мышь, ни Кошка, ни что-либо другое не может его видеть, но *Псюхэ* видит *ipso facto*, ибо это — часть ее тела, которая имеет в себе эти представления; и так человек насквозь пронизан лучами божественного Света, и это помимо еще более непостижимого пути всеведения в Боге.

Строфа 56. «Сочувствие и Чувство и т. д.».

Поскольку *Псюхэ* видит все естественные вещи, она и допускает их. Ибо противоположность Духов существует только между частностями, а уродство и недоброжелательность свойственны лишь некоторым видам, и яд не является ядом для всех, иначе Паук стал бы источником своей собственной смерти, и все ядовитые монстры избавили бы человека от встречи [с ними].

Строфа 57. «Я покажу Семелы вам хитон. Он величавей...».

Пока мы исследуем само *Психическое*, имеют место движение и изменчивость. Но в *Эоне* и *Ахаде* остаются всегда одними и теми же, *τὰ ὡσαύτως ἔχοντα*, и там у *Псюхэ* один глаз находится так же, как и другой, внизу, созерцая все вещи и то, что находится над всеми вещами, а также тени и проекции всех вещей, не отвлекаясь, сразу — так же легко, как наши глаза различают множество цветов сразу в одной вещи.

Строфа 59. «Так дочери Семелы, разделившись...».

Каким образом она является их матерью — смотрите во второй Песни этой книги в 23 строфе.

Стих 2. «Все провидя все...».

Мировой дух (Mundane spirit), часть которого присутствует в каждом теле, вводится в действие *Псюхэ*. Если какая-либо партикулярная душа совершает какое-либо действие воображения, оно должно, по крайней мере, на какое-то время быть как бы окрашено или расцвечено своим впечатлением, так что и *Псюхэ* необходимо воспринимать его, поскольку оно влияет на ее собственный дух (См. *Психатанасия*, Кн. 3. Песнь 2, строфы 46, 47). Кроме того, каждая партикулярная душа, как и все остальные, так тесно зависит от *Псюхэ*, как бы вытекает из нее, что немислимо, чтобы малейшее движение ума или самая спокойная мысль могли ускользнуть от нее.

Но если кто-то будет озадачен тем, почему фантазия человеческой души может произвести впечатление на какую-либо часть вселенского духа мира, а *Семела* не может, пусть он считает так, что образные действия *Псюхэ* более возвышенные, более устремленные и напряженные [именно] из-за погружения в более грубые духи этого тела, которое мало или совсем не осознает того, что делается там, далеко наверху, и поэтому не получает впечатления от столь высоких действий, как это обычно бывает (даже в экзальтации нашей собственной фантазии), когда память подводит. И, кроме того, когда сила ощущений ослабляет или совершенно гасит обычное воображение души или обычное [телесное] восприятие, или чувство, или и то и другое, это препятствует аниматическому преобразованию впечатлений *Семелы*. Но когда особые фантазии и сильные чувства ослаблены или угасают во сне или при смерти, тогда энергии души мира более ощутимы, вероятно, даже и в духе нашего тела, а также в обнаженной душе: отсюда происходят вещие сны и сбывающиеся предсказания перед смертью. Но вернемся к восприятиям *Псюхэ*. Каждый чувственный объект и каждое чувственное и образное действие предстают перед ней, и все, что находится в поле ее зрения, также находится в поле зрения *Эона*. Потому что союз между *Эоном* и *Псюхэ* гораздо более тесен, нежели [союз] между *Псюхэ* и Мировым духом. И все, что представлено в *Эоне*, также ясно видно *Ахаду*; по причине невыразимого неслиянного единства этих двух; так что *Ахад* знает каждую отдельную вещь и движение так же ясно, даже более ясно, чем любой смертный глаз может видеть любую вещь, пусть он никогда впрямую и не смотрит на нее.

Таким образом, мысли всех человеческих умов и движения сердец возникают перед взором и присутствием всепонимающего Божества так же неизбежно и естественно, как дым от воспурения жертвенных благовоний поднимается вверх воздухом. Ибо дух Господень наполняет весь мир, а тот, кто содержит в себе все, обладает и знанием звучания, внешнего облика, движений, равно и мыслей [всего] (См. *Прем. 1: 7*).

И *Вечность* не изменяется и не затемняется проекцией этих низких теней. Ибо бесконечное одушевление может различать все вещи без помех

и смешения, нисколько не теряя себя, хотя и ничего не приобретая от вида низших вещей. Я также не могу согласиться с нижеприведенным отрывком из Плотина, взятым в прямом смысле, но (я думаю) нет необходимости понимать это в прямом смысле, слова же таковы: *Ἵτι δ' ἡ τοιαύτη νεύσις αὐτοῦ πρὸς αὐτὸν οἶον ἐνέργεια οὐσα αὐτοῦ καὶ μονὴ ἐν αὐτῷ τὸ εἶναι ὃ ἐστὶ ποιεῖ, μαρτυρεῖ ὑπποτεθὲν τοῦναντίον· ὅτι, εἰ πρὸς τὸ ἔξω νεύσειεν αὐτοῦ, ἀπολεῖ τὸ εἶναι ὅπερ ἐστίν*, т. е. «Такой вид склонения себя к самому себе, будучи как бы его энергией и обиталищем в себе самом, делает его таким, какой он есть, и противоположное предположение свидетельствует о том же. Ибо, если бы он склонялся к тому, что находится вне его, он потерял бы то существо, которым он является»³⁷. Но следует учитывать, что Бог, будучи бесконечно бесконечным, не склоняясь [к другому] и не входя [в другое], может производить все вещи и всегда видеть то, что произвел, сохраняя свое собственное место, которое есть он сам: ибо так говорит Философ в другом месте: *Καὶ ἔστι πρώτη ἐνέργεια ἐκείνου καὶ πρώτη οὐσία ἐκείνου μένοντος ἐν ἑαυτῷ*, т. е. «Этот Интеллект или Сущее, или Интеллектуальный мир, является первой энергией Бога и первой субстанцией от него, пребывающего в себе» (См.: *Πλωτίν.* Шестая Эннеада. Трактат 8. Гл. 16 и Первая Эннеада. Трактат 8. Гл. 2.)³⁸. Но теперь, чтобы кратко обобщить то, что я написал в своих примечаниях к этой песне. *Ахад, Эон, Псюхэ*, Платоническая Триада, — это, скорее, *τὸ θεῖον*³⁹, чем *θεός*⁴⁰, скорее, Божественное (Divinity⁴¹), а не Бог (Deity⁴²). Ибо Бог есть не что иное, как единое неделимое неподвижное саморожденное Единство, и его первородное творение есть Мудрость, Интеллект, *Эон*, Сущий (Он⁴³) или *Автокалон*, или, одним словом, Интеллектуальный мир, мерой которого является он сам, т. е. простое и совершенное Благо.

³⁷ *Plot. Enn. VI. 8. 16*: «Это вот склонение к Себе и есть, так сказать, Его энергия, чистое в-себе-бытие, делающее Его тем, что Он есть, и свидетельствует об этом то, что произойдет, если предположить противоположное; ибо если бы Он склонялся к тому, что вне Его, Он уничтожил бы бытие тем, что Он есть». Пер. Т. Г. Сидаша. — *Прим. ред.*

³⁸ *Plot. Enn. I. 8. 2. 21–22*: «[Ум] есть первая его энергия и первая сущность его, пребывающего в себе», — это грамматически чуть ближе к тексту, но в известном переводе так: «Ум есть первая энергия Блага, и первая сущность, Благо пребывает в себе». Пер. Т. Г. Сидаша. — *Прим. ред.*

³⁹ Буквально: божество. — *Прим. ред.*

⁴⁰ Буквально: бог. — *Прим. ред.*

⁴¹ Божественная природа; божественное существо; богиня; божественность; божество. — *Прим. ред.*

⁴² Бог; божественная природа; языческий бог. — *Прим. ред.*

⁴³ См. прим. 5.

*Τὸ δ' ἐστὶν ἀνευδές, ἰκανὸν ἑαυτῷ, μηδενὸς δεόμενον, μέτρον πάντων καὶ πέρας, δοῦς ἐξ αὐτοῦ νοῦν καὶ οὐσίαν καὶ ψυχὴν*⁴⁴, т. е. Он ни в чем не нуждается, самодостаточно, мера и срок всех вещей, выделяющий из себя Интеллект или *Сущий*, и *Псюхэ*.

И еще говоря об Интеллекте, *Ἐνεργεῖ μέντοι περὶ ἐκείνον οἶον περὶ ἐκείνον ζῶν*. [Т. е.] этот интеллект сосредоточен вокруг него, задействован в своего рода жизненном действии вокруг него, живет в нем⁴⁵.

Но, относительно *Псюхэ*, *Ἦ δὲ ἔξωθεν περὶ τοῦτον χορεύουσα ψυχὴ ἐπὶ αὐτὸν βλέπουσα καὶ τὸ εἶσω αὐτοῦ θεωμένη τὸν θεὸν δι' αὐτοῦ βλέπει*. [Т. е.] ведь *Псюхэ* есть нечто удаленное и внешнее, движущееся вокруг Интеллекта, активно созерцая его и всматриваясь в него, видя Бога через него⁴⁶. Так что *Ахад* — это жизненное совершенство *Зона* или *Интеллекта*, а *Эон* и *Ахад* — благополучие *Псюхэ* и ее жизненное осуществление (accomplishment) (*Эннеада* I. Трактат 8.). И *Эон*, и *Псюхе*, и все остальное — от *Ахада*, *καθ' ὑποστολήν*, но с ослаблением и чем дальше от источника, тем они слабее и темнее, как это более полно [будет] изложено в следующей *Песни*: строфы 7, 8. и далее.

То, что мир управляется *Псюхэ*, и поэтому (что *Трисмегист* и *Платон* не очень хотят признать) он есть одно целое Живое Существо, и что, следовательно, ничто не может охватить знание этой универсальной души, так же как и любое ощущение, воображение или движение человека не могут быть скрыты от души этого человека, если у него будет достаточно свободного времени, чтобы наблюдать за ними. А эта *Псюхэ* всегда находится в состоянии [такого] досуга, будучи неспособной отвлекаться, поскольку ее одушевление бесконечно, полностью вездесуще и везде одновременно.

И вот, когда я так точно постарался описать Божество, мне кажется, я могу избежать порицания за излишнюю смелость и любопытство.

Но позвольте мне сообщить, что я взял на себя смелость изложить не столько абсолютную природу Бога, сколько те Представления, которые сформировала о Нем школа *Платона*: [представления], которые я не считаю ни себя, ни кого-либо другого обязанными принимать за Оракулы, хотя они и были истинными в ту пору, когда [Платон] разъяснил их. И, как бы то ни было, я думаю,

⁴⁴ *Plot.* Enn. I. 8. 2. 4–6: «Оно же [благо] ни в чем не нуждается, довольствуясь собой, не имея ни в чем недостатка; оно — мера и предел всех, дающее из себя и Ум и Сущность, и Душу». Пер. Т. Г. Сидаша. — *Прим. ред.*

⁴⁵ *Plot.* Enn. I. 8. 2. 22–23: «Ум же действует вокруг Блага, как и Жизнь вокруг Ума». Пер. Т. Г. Сидаша. — *Прим. ред.*

⁴⁶ *Plot.* Enn. I. 8. 2. 23–25: «Душа танцует вне Ума, кружится вокруг Ума, взирает на него и, прозревая его внутренне, видит сквозь него Бога». Пер. Т. Г. Сидаша. — *Прим. ред.*

что люди должны в лучшем случае интерпретировать [эти представления] как *Платоновские* и сперва понимать, к какой несомненной истине они стремятся, и лишь затем спорить и запутываться в том, каким способом выражать то, чего никто не может достичь. Например, я предпочел бы занять свой разум той неоспоримой истиной, которая проявляется в [платоновской] Триаде, а именно: что Бог исполнен Благости, Мудрости и всесильной Любви, как если бы в Божестве было три такие разные Ипостаси, а также, что он так же несомненно един с самим собой, как если бы существовала только одна Ипостась, и лишь потом озадачиться столь тревожащими вопросами как единство Трех в Одним, и о Едином, и о троице и т. д.

Поскольку человеческий разум неспособен постичь что-либо из несокрытого существа Бога, более грубые и фигуральные представления о Нем, подходящие выражающие Его неоспоримые Атрибуты, не только приемлемы, но и удобны для понимания сотворенного, так [отчего] привести их к созерцанию Бога в его Любви и Триумфе? Принимая во внимание, что, стремясь более решительно и настойчиво понять и сделать вывод о том, что так неуловимо и непостижимо для понимания человека, мы приводим себя к беспокойству и расстройству и иссушаем драгоценные Божественные заповеди в наших душах своей адской жадной и назойливым желанием иметь дело с несокрытой сущностью Бога. Но пусть каждый скромный философ прочтет эту Надпись в Храме Исиды, выдающемся памятнике великой мудрости Древних: *Ἐγὼ εἶμι πᾶν τὸ γεγονὸς καὶ ὄν καὶ ἐσόμενον καὶ τὸν ἐμὸν πέπλον οὐδεὶς πω θνητὸς ἀπέκάλυψεν* («Я есть все бывшее, и будущее, и сущее, и никто из смертных не приподнял моего покрывала»)⁴⁷, и затем спросит, не достаточно ли места в Божестве для каждого человека, чтобы говорить по-разному друг другу о своем его представлении? И все же ни один человек, ни все люди вместе [не в состоянии] точно и адекватно раскрыть природу Бога.

⁴⁷ *Plut. De Iside*, 9. 354C. Пер. Н. Н. Трухиной.